

также на себя внимание сходство заглавия первой книги И. Штернберга с трудом А. Н. Радицева. Совершив, если брать естественную последовательность событий, путешествие сперва из Петербурга в Москву, а потом обратно до Софии и далее на Запад, Штернберг описал только обратную поездку, в связи с чем раздел, посвященный Петербургу, был им закономерно включен не в «Путешествие», а в последовавшие за ним «Замечания». Любопытно, что в начале первого письма «Путешествия» И. Штернберг счел нужным объяснить, почему он избрал именно прием «описания с конца»: по дороге из Петербурга в Москву он «не мог делать никаких записей, которые заслуживали бы быть сообщенными», ввиду быстрой езды, из-за которой «окружающие картины только мелькали перед глазами». Но допустимо ли полностью доверяться этим словам? Не являются ли они литературным приемом? В самом деле, сам автор писал, что не мог сделать записей, которые были бы интересны его воображаемому адресату, читателю книги. Но означает ли это, что он вообще не вел никаких записей для себя, тем более что время у него было: ведь быстрая езда чередовалась, по признанию И. Штернберга, с долгим ожиданием смены лошадей на станциях. Скорее можно предположить, что описание обратной поездки из Москвы было выбрано И. Штернбергом сознательно, чтобы не просто описать виденное, а подчеркнуть вынужденный характер его отбытия из страны. София, Тосно, Любань, Чудово, Торжок, Городня, Клин. . . — были вехами путешествия А. Н. Радицева. Клин, Тверь, Городня, София. . . — в таком порядке излагал свои дорожные впечатления и мысли о России и ее народе И. Штернберг. Но если это так, то не связано ли «Путешествие» Штернберга по замыслу каким-либо образом с «Путешествием» А. Н. Радицева?

Как вытекает из первого письма штернберговского «Путешествия», он придавал значение принятому порядку описания поездки, обратному реально осуществленному маршруту. Может быть, он думал и о сопоставлении авторских судеб? За свое «Путешествие» А. Н. Радицев поплатился ссылкой в Сибирь, а И. Штернберг за свою поездку — выдворением в Пруссию. Если наши предположения, основанные на сопоставительном анализе обоих произведений, справедливы, то «Путешествие» И. Штернберга следовало бы рассматривать как своего рода продолжение, «второй том» «Путешествия» А. Н. Радицева. При этом становится более понятным не только идейно-художественный замысел книги Штернберга, но и несомненное сходство или даже частичное совпадение его взглядов на политику царского самодержавия и положение крепостных со взглядами А. Н. Радицева. Сказанное заставляет вновь обратиться к предположению Я. Вавры о том, что Штернберг знал или мог знать запрещенную книгу великого русского мыслителя-революционера.